

О. М. БЕЛЯЕВА

Э. Д. ГРИММ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЬ К ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНИЮ

В статье рассматривается начальный этап профессиональной карьеры историка Э. Д. Гримма. На его примере показано, как продвижение по карьерной лестнице приводило к конфликтам в академическом сообществе, вызванным нарушением традиций, столкновением взглядов, амбиций, интересов ученых.

Ключевые слова: *Петербургский университет, Э. Д. Grimm, М. И. Ростовцев, Н. И. Кареев, традиции академического сообщества, диспут, конфликты.*

С формальной точки зрения, продвижение ученого по карьерной лестнице можно представить как поступательное прохождение через ряд установленных процедур, обязательных для всех членов академического сообщества: сдача магистерских экзаменов, публикация текста диссертации, ее рецензирование и утверждение к защите с последующим диспутом. Но не будем забывать и про то, что прохождение этих процедур контролировалось со стороны представителей академического сообщества. Следуя предписанным процедурам, ученый должен был также придерживаться традиций, существовавших в академическом сообществе и отражавших сложившийся порядок его функционирования. В процессе поэтапного продвижения молодого специалиста по карьерной лестнице в академическом сообществе могли сталкиваться интересы, взгляды и амбиции ученых, что было связано с нарушением традиций, соперничеством за статус и зачастую приводило к конфликтам. Иначе говоря, от того, каким образом ученый совершал переход от одного этапа к другому, зависели не только смена его статуса и, соответственно, положение в академическом сообществе, но и его взаимоотношения в академических кругах. Карьера ученого зависела и от внешних факторов. Постараемся рассмотреть начальный этап научной карьеры Э. Д. Гримма именно с такой точки зрения и в сравнительной перспективе, что позволит проследить за тем, как строились его отношения с коллегами в этот период.

Э. Д. Grimm поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета осенью 1887 года. Окончив университет с дипломом первой степени, он, по предложению профессора Н. И. Каре-

ева¹ был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории без стипендии – первоначально на два года, затем еще на год². С 1893 по 1894 гг. Grimm сдавал магистерские экзамены, что являлось одним из условий получения приват-доцентуры и этапом на пути к защите магистерской диссертации³. После успешного прочтения пробных лекций⁴ Э. Д. Grimm в звании приват-доцента в 1894 / 1895 академическом году приступил к чтению курса по истории торговли в Средние века⁵, параллельно давая уроки географии и истории в главном немецком училище Св. Петра.

Grimm первоначально вовсе не предполагал заниматься историей Древнего Рима. Магистерскую диссертацию он, «после некоторых колебаний», предполагал посвятить «влиянию великих открытий к[онца] XV в. на экономическую и социальную жизнь <...> Италии [и] Германии»⁶. Его решение связать свое будущее исследование с Новой историей Западной Европы определило кандидатуру научного руководителя, хотя Н. И. Кареев, вероятно, взял шефство над Grimмом уже тогда, когда ходатайствовал о его оставлении для приготовления к профессорскому званию. Немногочисленные сведения мало проясняют то, как протекало их сотрудничество, так как вскоре оно прервалось. Свою работу Grimm неоднократно обсуждал с Кареевым, который предупреждал его о том, что в России без соответствующих архивных источников «он едва ли в состоянии будет написать диссертацию»⁷. Впоследствии Кареев называл Grimma своим учеником⁸. Другое дело, считал ли тот его своим учителем. Учитывая, что в студенческие годы Grimm всерьез интересовался сразу несколькими периодами истории и слушал курсы у авторитетных специалистов в соответствующей области (В. Г. Васильевского, Н. И. Кареева, Ф. Ф. Соколова), можно предположить, что каждый из них в той или иной мере оказал на него влияние. Ведь впоследствии Grimm оставил первоначально избранную тему по новой истории Западной Европы и, углубившись в изучение истории Византии, обратился, в итоге, к истокам ее зарождения – к Римской империи.

¹ Об этом Н. И. Кареев упоминает в своих мемуарах: *Кареев*. 1990. С. 187.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 1, 13, 16; Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16046. Л. 6.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16046. Л. 3, 6, 7 об., 12, 17; Д. 16049. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 10–10 об.

⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 727. Л. 1.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 38–38 об.

⁷ Ходатайство Н. И. Кареева: Там же. Л. 37.

⁸ См.: *Кареев*. 1990. С. 187; ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 1. Д. 91. Л. 10 об.

Прислушавшись к совету Н. И. Кареева, Э. Д. Гримм вскоре обратился в историко-филологический факультет с просьбой о командировании его за границу⁹. Разрешение на поездку он получил, однако ее пришлось отложить на неопределенный срок. Причиной этому послужил приказ Министерства народного просвещения (далее – МНП) о назначении Гримма на 1896/97 академический год приват-доцентом по кафедре всеобщей истории Казанского университета. Вопрос о необходимости еще одного преподавателя по всеобщей истории обсуждался на заседании историко-филологического факультета Казанского университета еще в ноябре 1895 г.¹⁰, хотя на тот момент недостатка в специалистах по этому предмету не было. Возможно, у факультета имелись на то свои причины. Когда умер профессор Н. А. Осокин¹¹, потребность в еще одном преподавателе стала очевидной, так как профессор И. Н. Смирнов физически не мог взять на себя весь объем преподавания предмета. Как говорилось в представлении декана историко-филологического факультета профессора Д. Ф. Беляева ректору Н. И. Ворошилову: «Весьма желательно, чтобы он прошел научную школу у профессора Л. Т. Виноградова или академика В. Г. Васильевского. Мне известно, что у каждого из этих ученых имеется по несколько учеников, но еще не получивших научных степеней и претендующих только на звание приват-доцентов. Весьма желательно, чтобы один из таких учеников был приглашен нами по указанию и рекомендации одного из вышеназванных профессоров»¹². Вскоре кандидатура на замещение ставшей вакантной должности преподавателя всеобщей истории нашлась в лице Э. Д. Гримма, который, судя по всему, вполне соответствовал необходимым требованиям: окончил университет с дипломом первой степени, изучал средневековую и Новую историю под руководством В. Г. Васильевского и Н. И. Кареева¹³.

К сожалению, у нас нет свидетельств, которые бы пролили свет на то, как перевод Гримма в Казань был воспринят им самим и его окружением. В одном из писем своему коллеге Д. А. Корсакову Э. Д. Гримм, между прочим, сообщает, что «не мог допустить, чтобы разного рода более или менее сомнительные “авторитеты” Петербурга утверждали, что я бежал от них к моим казанским друзьям, которые именно из дружбы, так сказать, Христа ради, меня пропустили... Такого рода

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 38.

¹⁰ См.: *Хамматов*. 2003. С. 90.

¹¹ Профессор Н. А. Осокин покончил жизнь самоубийством в здании университета. См.: *Ягудин*. 2003.

¹² *Хамматов*. 2003. С. 90.

¹³ *Загоскин*. 1904. С. 75–76.

сплетни всегда неприятны»¹⁴. По содержанию письма можно лишь догадываться, что у Grimma в Петербурге были недоброжелатели, по каким-то причинам осуждавшие его действия.

Grimm был приват-доцентом Казанского университета с февраля 1896 г. по май 1899 г. На историко-филологическом факультете он читал курсы по истории Древнего Рима, Западной Европы в XVIII в., истории арабов и исламской культуры в Средние века и, вместе с проф. И. Н. Смирновым вел практические занятия по географии и всеобщей истории. Находясь в Казани, Grimm, видимо, произвел благоприятное впечатление на коллег и завоевал их расположение. С большой похвалой отзывался о нем Д. А. Корсаков: «В научном отношении представляет, по-моему, действительно серьезную силу приват-доцент вс[еобщей] ист[ории] Э. Д. Grimm»¹⁵. В 1897 г. Grimm все-таки побывал в заграничной командировке, во время которой работал в библиотеках крупнейших европейских столиц – Берлина, Рима и Парижа, собирая материал для будущей диссертации, посещал лекции немецких историков¹⁶.

Вероятно, в Казани Э. Д. Grimm окончательно определился с тематикой своей магистерской диссертации. Он отказался от первоначально задуманного исследования по Средневековью и занялся историей Древнего Рима. Впервые он обратился к Античности еще в 1894 г., когда написал научно-популярный очерк о братьях Гракхах и их реформаторской деятельности¹⁷. Истоки интереса Grimma к проблеме императорской власти и социальных отношений в Римской империи можно обнаружить в его вступительной лекции к курсу истории средних веков. Считая термин «Средние века» условным и неисторичным, Э. Д. Grimm предложил отрезок времени от III–IV до XI в. называть «периодом византийско-исламской культуры»¹⁸. Выясняя перемены, имевшие место к началу IV в. н.э., и причины упадка Римской империи, Grimm в своей лекции углубился в историю III и II вв. н.э. Следствием интереса Grimma к переходному периоду III–IV вв. н.э., очевидно, и стало смещение направления его работы в сторону изучения истории Римской империи. Grimm собирался изучить характер власти и политики императоров диоклетиано-константиновского периода, но намеревался также ретроспективно осветить некоторые вопросы из истории первых веков империи¹⁹.

¹⁴ Цит. по Хамматов. 2003. С. 94.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 147. Л. 13 об.

¹⁶ Grimm. 1898.

¹⁷ Grimm. 1894.

¹⁸ Grimm. 1896. С. 129–152 (С. 151–152).

¹⁹ Grimm. 1898. С. 7.

Приступив вскоре к написанию магистерской диссертации, он сосредоточился на более раннем времени – эпохе принципата (I–II вв. н.э.). Уже в январе 1898 г. он представил предварительные результаты своей работы в виде доклада на эту тему на одном из заседаний Исторического общества при Петербургском университете, членом которого состоял²⁰.

В сентябре 1899 г. истек срок очередной командировки Гримма²¹, и надо было возвращаться в Казань. Однако уже с 1 сентября в звании приват-доцента он начал преподавать в Петербургском университете. Такие перемены в служебной карьере произошли в связи с рядом следующих друг за другом событий. В ходе студенческих волнений февраля 1899 г. из Петербургского университета были удалены оппозиционные профессора и приват-доценты. На историческом отделении историко-филологического факультета ими оказались Н. И. Кареев и И. М. Гревс. Кареев встал на сторону молодежи, выступив на заседании Совета университета против ректора В. И. Сергеевича, что и послужило поводом к его отставке²². Такая же участь постигла Гревса, пользовавшегося репутацией либерала и сочувствующего студенческим волнениям²³. Весной 1899 г. умер проф. В. Г. Васильевский, заведовавший ранее кафедрой истории Средних веков. В результате этого на кафедрах всеобщей истории и Средних веков появились вакансии, одну из которых занял Гримм. Вполне вероятно, что он, зная обо всех этих перипетиях, происходивших с его коллегами в Петербургском университете поспешил взять командировку «в столичные города» с тем, чтобы попытаться получить место. Из Казанского университета Гримм был отчислен задним числом, уже приступив к чтению лекций в Петербурге. В уведомлении ректора Казанского университета К. В. Ворошилова ректору Петербургского университета В. И. Сергеевичу от 29 сентября 1899 г. сообщалось, что «из командировки Гримм не возвращался и к чтению курса не приступал», а также отмечалось, что «в случае перемещения его в состав приват-доцентов Петербургского университета препятствий... не встретится»²⁴. 11 октября того же года В. И. Сергеевич, в свою очередь, извещал К. В. Ворошилова о том, что «Эрвин Гримм... допущен к чтению лекций в звании приват-доцента в СПб. университете и зачислен в штат приват-доцентов... с 1 сентября 1899 г.»²⁵.

²⁰ Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 202.

²¹ Ученые записки... 1899. С. 80–81.

²² Подробнее см.: Кареев. 1990.

²³ См.: Свешников, Корзун, Мамонтова. 2004. С. 320–324.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 51.

²⁵ Там же. Л. 51 об.

Э. Д. Гримму не было отказано в утверждении, так как в то время историко-филологический факультет Петербургского университета остро нуждался в преподавателях по всеобщей истории. Как писал в это время С. Ф. Платонов своему киевскому коллеге В. С. Иконникову, «в ...факультете много пустоты, которую неизбежно заполнить поскорее». Платонов также заметил, что «не хотелось бы уступать приоритет чужим»²⁶. В этом смысле у Гримма было преимущество перед другими, так как, являясь выпускником и магистрантом Петербургского университета, он воспринимался как «свой». В письме медиевисту Н. М. Бубнову, также являвшемуся выпускником Петербургского университета, С. Ф. Платонов сообщал, что на историческом отделении «пропасть свободных лекций», часть которых «достанется магистранту Гримму, часть Форстену и еще много надо заместить»²⁷.

Назначение Э. Д. Гримма приват-доцентом было встречено неоднозначно. Н. И. Кареев посчитал его поступок незтичным по отношению к себе и своим коллегам: «с одной стороны, видите ли, зорно проситься на места изгнанных своего учителя и старшего товарища, а с другой, в Питере лучше жить, чем в Казани... Оказалось потом, что и спрашивал он советы уже после того, как решил уже, что возьмет на себя наши лекции»²⁸. Вероятно, Н. И. Карееву стало известно, что Гримм еще в начале сентября 1899 года договаривался с деканом историко-филологического факультета П. В. Никитиным о тех предметах, которые ему предстояло вести в новом учебном году. В частности, Гримм писал С. Ф. Платонову: «П. В. Никитин предложил мне объявить, кроме общего курса по истории Западной Европы в Средние века, еще специальный курс ввиду того, что так читал И. М. Гревс. Я, разумеется, с удовольствием согласился. В качестве специального курса предлагаю читать историю византийско-исламского мира до XI века»²⁹.

Совсем иначе, чем Кареев, исключительно с положительной стороны, рассматривал возвращение в университет Гримма Платонов: «в это тяжелое для ф[акультета] время Гримм явился полезнейшим его сотрудником, приняв на себя обязанности с большим успехом, т.к. заявил себя прекрасным лектором, солидным руководителем практич[еских] занятий и образованным историком, у которого в распоряжении оказалось несколько хорошо обработанных курсов, не только по

²⁶ С. Ф. Платонов – В. С. Иконникову. 31 августа 1899 г.: Академик С. Ф. Платонов... 2003. С. 60–61. № 98.

²⁷ С. Ф. Платонов – Н. М. Бубнову. 1 сентября 1899 г.: Там же. С. 61. № 99.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 1. Д. 91. Л. 10 об.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 27. Д. 272. Л. 32–32 об.

средней, но и по древней истории»³⁰. Учитывая, однако, что письмо было написано спустя два года после возвращения Э. Д. Гримма в университет и носило рекомендательный характер с целью назначить его на должность экстраординарного профессора, очевидно, что все возможные негативные моменты замалчивались.

Существует масса примеров, доказывающих, что на вакантную должность всегда находились желающие, которые старались не упустить возможности воспользоваться подходящим моментом, чтобы обеспечить себе благоприятные условия для карьерного роста. Бывало, что ученые сами охотно предлагали свои кандидатуры на имевшуюся вакансию, что могло превратиться в борьбу за первенство, если претендентов было несколько. По воспоминаниям того же Н. И. Кареева, он, узнав о смерти петербургского профессора новой истории В. В. Бауера, пошел к попечителю Варшавского учебного округа и заявил, что едет в Петербург «посмотреть, нельзя ли будет занять место покойного Бауера»³¹. По прибытии в Петербург Карееву сообщили, что он не один претендует на это место, и что среди его конкурентов значатся профессор Киевского университета И. В. Лучицкий и профессор Новороссийского университета А. С. Трачевский. С последним Кареев решил договориться и предложил ему «полюбовно разделить наследие Бауера», который в свое время одновременно читал лекции в Александровском Лицее и в Петербургском университете. Кареев надеялся на место в университете, однако Трачевский отказался от такого предложения, рассчитывая занять сразу оба места. В итоге, чтобы не остаться не у дел, Кареев дал согласие инспектору Лицея Н. М. Коркунову, с которым он уже договорился о том, что выдвинет свою кандидатуру³². Был возможен и иной сценарий замещения вакантной должности, когда заинтересованное лицо использовало рекомендации своего покровителя. Так, Н. Н. Фирсов, узнав от Э. Д. Гримма о том, что в Юрьеве освобождается кафедра русской истории за переходом профессора Е. Ф. Шмурло в университет Св. Владимира в Киеве, писал С. Ф. Платонову «Хорошо бы эту кафедру занять мне... Но как это сделать? Мне пришло в голову прибегнуть к Вашему содействию, если вы согласитесь помочь мне. Несомненно, в нашем Министерстве Ваше слово многое значит, и, может быть, Вы и замолвите его... за мою кандидатуру»³³.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 1750. Л. 7–7 об.

³¹ См.: Кареев. 1990. С. 156, 172.

³² Там же. С. 175–176.

³³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4467. Л. 4–5.

В этом смысле поступок Гримма не выходил за рамки существовавших практик. Но в свете произошедших в университете событий он приобретал скандальный характер, поставив его самого в двусмысленное положение. С одной стороны, стечение обстоятельств способствовало возвращению Гримма в Петербург, и от возможности продолжения научной карьеры в Петербургском университете он не хотел отказываться. С другой стороны, он не мог не сознавать, что его поступок вызовет неодобрение коллег, тем более, если среди них были его учитель Кареев и товарищ Гревс. Гримм, очевидно, был и в курсе того, что кафедре Средних веков покойный профессор Васильевский завещал своему ученику Гревсу, о чем прежде он неоднократно говорил³⁴. И Гримм, рискуя потерять расположение упомянутых лиц, сознательно сделал выбор в пользу собственной карьеры и, как следствие, в ущерб хорошим отношениям с ними. Поэтому неудивительно, что в первые месяцы после назначения приват-доцентом Гримму пришлось столкнуться с неприятными намеками на то, что он уже во второй раз приходит на место умершего профессора. Об этом он сетовал Д. А. Корсакову: «такого рода сплетни... должны быть неприятны вдвойне лицу, которое и без того целой группой порядочных людей обвинялось в том, что оно – сиречь я – “сидит на теплом трупе”, перешагнуло через оный (труп – Васильевский). Теперь все это, правда, улеглось, но осенью трудно было предвидеть, к каким выводам могли прийти здешние “друзья”»³⁵.

Читая лекции в Петербургском университете и на Высших Женских Бестужевских курсах, Э. Д. Гримм одновременно работал над завершением своей магистерской диссертации. Ее рукописный вариант он представил факультету уже 13 ноября 1899 г., и по итогам заседания 15 декабря того же года работу допустили к печати³⁶. На заседании факультета 1 сентября 1901 г. рассматривалась рукопись уже докторской диссертации Э. Д. Гримма, которая была рекомендована к изданию 15 ноября 1901 г.³⁷. Оба тома были напечатаны в «Записках историко-филологического факультета» и вышли отдельными монографиями³⁸.

³⁴ С.Ф. Платонов упоминает об этом в письме ректору А. Х. Гольмстену: «Он [В. Г. Васильевский.– О. Б.] не скрывал, что видит в И. М. Гр[евсе] своего преемника по университетской кафедре и, уступая своей болезни, передал именно Гр[евсу] ведение общего курса средней истории и прак[ических] занятий со студентами». См.: Там же. Л. 5–9.

³⁵ Цит. по: *Хамматов*. 2003. С. 94.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16069. Л. 43 об., 51.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16076. Л. 54.

³⁸ *Гримм*. Исследования... 1900. Т. I; *Он же*. Исследования... 1901. Т. II.

Составлять отзывы на магистерскую диссертацию Э. Д. Гримма было поручено двум профессорам, Ф. Ф. Соколову и Ф. Ф. Зелинскому³⁹. Впоследствии Зелинский по неизвестным причинам свой отзыв не предоставил, хотя это и не отражено в протоколах заседаний историко-филологического факультета. По истечении срока, требовавшегося для изучения диссертации рецензентом⁴⁰, отзыв Соколова был заслушан в заседании факультета, после чего было решено «признать диссертацию удовлетворительной» и допустить ее к защите.

Магистерская диссертация Гримма преимущественно построена на критике идей Т. Моммзена⁴¹, его основного тезиса о принципате как системе политического дуализма или «диархии» сената и императора. Гримм также считал, что попытка Моммзена «охватить в одной системе государственное право народа за 1000 с лишком лет», опираясь на материал II и особенно I в. до н.э., неосуществима, что «первые три века империи не представляют одного целого в конституционном смысле», поэтому «для понимания их необходимо внимательно исследовать отдельные фазисы конституционного развития, пройденного императорской властью за это время»⁴², в чем и видел свою задачу. Рассматривая развитие римской императорской власти от Августа до Нерона, Гримм анализировал реальное положение власти и сопоставлял его с существовавшим законодательством. Его также интересовало восприятие императорской власти обществом, выразителями взглядов которого он считал античных историков и поэтов. Он пришел к выводу о том, что власть Августа, формально являвшаяся чрезвычайной магистратурой республики, в действительности была практически ничем не ограничена. Правление ближайших преемников Августа, отказавшихся поддерживать даже видимость сохранения республиканского строя, выродилось в откровенный деспотизм, что, в конечном счете, привело к свержению династии Юлиев-Клавдиев. В то же время оппозиция императорскому правлению все меньше опиралась на идею республики, выступая не столько против единоличной власти, сколько против ее деспотического характера.

Магистерский диспут Гримма состоялся 29 мая 1900 г.⁴³ Выступали только официальные оппоненты – профессор Ф. Ф. Соколов и приват-доцент И. И. Холодняк. Пожалуй, самой высокой оценкой должно

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16069. Л. 55 об.

⁴⁰ Срок для рассмотрения диссертации не должен был превышать полугода. См.: Сборник распоряжений по МНП... 1867. С. 641. § 21.

⁴¹ *Mommsen*. 1887. Bd. II.

⁴² *Гримм*. Исследования... Т. I. С. 5, 6, 8, 11.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16072. Л. 29.

было стать для Гримма признание справедливости основных доводов, касающихся императорской власти, которым удостоил его Соколов⁴⁴. По разным причинам присутствовать на диспуте смогли не все желающие. М. И. Ростовцев, например, в то время находился в научной командировке в Риме и оттуда писал С. А. Жебелеву: «Конечно, и о диспуте Гревса и Гримма ты мне ничего не написал, а между тем ты прекрасно знаешь, как это мне все интересно»⁴⁵.

В докторской диссертации Гримм продолжил ранее начатую тему, фактически написав одно исследование в двух томах, что не вполне соответствовало требованию МНП о том, что докторская «диссертация может заключать в себе более обширное исследование предмета магистерской, но не должна быть только повторением одной»⁴⁶. Но это несоответствие не вызвало никаких нареканий со стороны совета факультета, утверждавшего работу. Ф. Ф. Соколов, будучи еще магистрантом, в письме к родным заметил, что «выбрал уже себе одним ударом тему для докторской диссертации... будет опять по истории Сицилии, и это ничего, потому что все ученые немцы по десяти диссертаций об одном и том же предмете пишут»⁴⁷. С. А. Жебелев вспоминал, что «иногда докторские диссертации представляли собой просто продолжение магистерской и в однотипном выборе тем, и, разумеется, ее разработки»⁴⁸. Причем с момента своего поступления в университет в 1886 г. и до отмены прежних ученых степеней в советское время, Жебелев упомянул лишь имена Э. Д. Гримма и А. А. Васильева.

Только 26 февраля 1901 г. Совет профессоров Петербургского университета одобрил проект «Правил об испытаниях на ученые степени», в котором пункт 11 гласил: «докторская диссертация может быть продолжением магистерской»⁴⁹. В соответствии с этими новыми правилами выбор тематики диссертаций Гримма уже не выглядел отходом от предписанной нормы, однако все же нарушал устоявшиеся традиции.

Между магистерским и докторским диспутами Гримма прошел всего год и десять месяцев⁵⁰. Надо сказать, что срок, в который он спра-

⁴⁴ Диспут Э. Д. Гримма... 1900. С. 347–349.

⁴⁵ М. И. Ростовцев – С. А. Жебелеву. 5 июня 1900 г.: Скифский роман. С. 396–397. № 31.

⁴⁶ Сборник распоряжений по МНП... С. 641. § 22.

⁴⁷ Цит. по: Жебелев. 1909. С. 9.

⁴⁸ Жебелев. Ученые степени... 2000. С. 156.

⁴⁹ Журналы заседаний... за 1901 г. 1902. № 57. С. 28.

⁵⁰ Защита второго тома «Исследований» Э. Д. Гримма состоялась 31 марта 1902 г. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16081. Л. 60.

вился с написанием, подготовкой к изданию и защитой обеих работ, был необыкновенно кратким. Из современников Гримма по срокам защиты его обогнал лишь А. А. Васильев: обе его диссертации были опубликованы почти одновременно с работами Гримма, но промежуток между его диспутами составил год и почти девять месяцев⁵¹. Стремительность ученой карьеры М. И. Ростовцева отмечает Э. Д. Фролов⁵², хотя между защитами его диссертаций прошло почти четыре года⁵³. С. А. Жебелев защитил докторскую только спустя пять лет после магистерской, в 1903 г.⁵⁴. На таком фоне случай Гримма можно рассматривать скорее как исключение, чем правило. Впрочем, его случай не противоречит утвержденным Советом университета правилам, согласно которым «магистр может представить диссертацию на степень доктора не ранее как через год после защиты магистерской диссертации»⁵⁵.

Представители научного сообщества по-разному восприняли столь отличающиеся по сравнению со многими другими коллегами сроки написания и защиты Э. Д. Гриммом докторской диссертации. У одних это вызывало раздражение и порицание, у других – похвалу и одобрение. Так, М. И. Ростовцев в своей рецензии упрекнул Гримма за быстроту написания докторской, полагая, что это сказалось на качестве его диссертации⁵⁶. Ю. А. Кулаковский, напротив, похвалил Гримма, отметив, что «два объемистых тома, которые в такой короткий срок успел выпустить молодой автор, дают ему полное право на видное место в рядах исследователей римской древности»⁵⁷. Сам Гримм, по-видимому, не считал, что краткость сроков написания работы повлияла на ее качество, поэтому в ответе на рецензию Ростовцева он заверил его в том, что достаточно кропотливо работал над своей диссертацией⁵⁸. Скорую защиту Гримм обеспечил себе еще и тем, что его докторская не была абсолютно новой работой, а являлась, как уже отмечалось, продолжением

---

⁵¹ Васильев. 1900. Ч. LVI; *Он же*. 1902. Ч. LXVI. Магистерский диспут А. А. Васильева состоялся 21 января 1901 г., докторский – 13 октября 1902 г. См: Журналы заседаний... за 1901. 1902. № 57. С. 14, 117–118.

⁵² См.: Фролов. Ростовцев Михаил Иванович... 2000. С. 31.

⁵³ М. И. Ростовцев защитил магистерскую диссертацию 21 апреля 1899 г., докторскую – 26 января 1903 г. См.: Журналы заседаний... за 1899. 1900. № 55. С. 68; *То же* за 1903 г. 1904. № 59. С. 4–5.

⁵⁴ Фролов. Жебелев Сергей Александрович... 2000. С. 17, 18.

⁵⁵ Журналы заседаний... за 1901 г. 1902. № 57. С. 27. п. 5.

⁵⁶ Ростовцев. [Рецензия...]. С. 172.

⁵⁷ Кулаковский. [рецензия...]. 1902. С. 154.

⁵⁸ Гримм. Ответ... 1902. С. 174.

магистерской диссертации, что позволяло ему собирать материал одновременно для обоих исследований. Неслучайно поэтому еще в процессе сбора источников для первой диссертации Grimm сообщал Гревсу о том, что «материал... увеличивается не по дням, а по часам»⁵⁹. В этом смысле, можно полагать, что Grimm пошел более коротким путем к получению докторской степени и в обход сложившихся практик.

Вероятно, недовольство коллег вызывало не только пренебрежение традициями, но и быстрое продвижение коллег по службе, так как за защитой диссертаций следовало получение соответствующих степеней и должностей⁶⁰, равно как и повышение жалования, сумма которого имела немаловажное значение⁶¹. Стремление Grimma к скорейшему получению профессорского звания и улучшению своего финансового положения отчасти объясняется изменениями в его личной жизни. В 1901 г. он женился на Надежде Платоновне Вердеревской⁶².

Рассмотрев в докторской диссертации развитие императорской власти со времени гибели Нерона и до Марка Аврелия, Э. Д. Grimm пришел к следующим выводам. В эпоху Флавиев и Антонинов принципат окончательно превратился в монархию, сенат же потерял свою самостоятельность, став государственным советом при императоре, а общество постепенно смирилось с идеей монархической власти и признало последнюю. Резюмируя содержание книг Grimma, отметим, что он установил несколько фаз в развитии римской императорской власти: империй Августа и Тиберия трансформировался в деспотическое правление их преемников, императоров Юлиев-Клавдиев, затем, при Флавиях, престиж импера-

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 80. Л. 1 об.

⁶⁰ С чувством некоторой зависти написано письмо С. А. Жебелева Д. В. Айналову по поводу продвижения по службе М. И. Ростовцева: «Ростовцев также провел лето в писании [докторской диссертации. – О. Б.], а теперь печатает. Вероятно, он напишет раньше меня и тогда будет возведен в профессора». См.: С. А. Жебелев – Д. В. Айналову. 29 сентября 1902 г.: Скифский роман. С. 370.

⁶¹ Показателен расчет С. Ф. Платонова, сделанный для профессора Н. М. Бубнова, которому он предлагал подумать над возможным замещением им кафедры Средних веков в Петербургском университете и над чтением лекций на Высших Женских Бестужевских Курсах. Преимущество от складывавшейся преподавательской нагрузки Платонов выразил в денежном эквиваленте: «На Курсах Вы можете, по словам директора, рассчитывать на 1000 рублей (четыре лекции средней истории). Мне же кажется, что на Курсах будет и 1250 руб[лей], (т.е. пять лекций). Итого в университете 3000+500 р[ублей] гонорара и 1250 руб[лей] на Курсах – 4750 руб[лей] или около того». См.: С. Ф. Платонов – Н. М. Бубнову. 2 сентября 1899 г.: Академик С. Ф. Платонов... С. 61. № 100.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226.

торской власти был восстановлен, окончательное же утверждение монархической власти произошло при Антонинах.

Рецензентами докторской диссертации Э. Д. Гримма историко-филологический факультет назначил тех же лиц, на которых возлагалась эта обязанность и при утверждении его магистерской диссертации – профессоров Ф. Ф. Соколова и Ф. Ф. Зелинского. Выслушав отзыв Соколова, собрание факультета просило приват-доцентов И. И. Холодняка и М. И. Ростовцева представить свои отзывы в следующем заседании факультета в связи с тем, что Зелинский вновь отказался от его предоставления, сославшись на свою занятость⁶³. Спустя пару недель после назначения рецензентами упомянутых лиц, секретарь историко-филологического факультета Ф. А. Браун обратился к декану профессору С. Ф. Платонову с письмом, в котором извещал его о случившемся инциденте между Ростовцевым и Гриммом⁶⁴. В письме Ф. А. Браун сообщал о том, что Гримм просил его «добыть [подчеркнуто автором. – *О. Б.*] ему, если возможно, отзыв М. И. Ростовцева, с которым он желал бы познакомиться раньше, чем решить, как поступить дальше». По просьбе Брауна Ростовцев прислал ему отзыв, сопровождаемый письмом, в котором «напоминал» о том, что «факультет высказался против сообщения отзыва Э. Д. до его напечатания». Хотя сам Браун о таком мнении факультета не помнил, но допускал возможность, что «пропустил его мимо ушей», поэтому просил С. Ф. Платонова посоветовать, как поступить дальше, «передать ли отзыв Гримму, или написать, что факультет считает это неудобным?»⁶⁵. Со слов Ростовцева, которые Браун цитирует в своем письме, можно предположить, что факультет, как, видимо, и сам Ростовцев, были настроены против Гримма. Более того, намерение Ростовцева напечатать свою рецензию еще до обсуждения книги Гримма на заседании факультета выглядело, вероятно, как желание заблаговременно дискредитировать его работу. Браун явно Гримма поддерживал, так как считал, что «передача ему отзыва была бы очень хорошей мерой, ввиду отношения факультета к Гримму; <...> с другой стороны, дала бы Гримму действительно возможность решить вопрос в дальнейшем при знакомстве со всеми обстоятельствами дела»⁶⁶. Сам Гримм обратился с просьбой к Брауну, так как был заинтересован в ознакомлении с отзывом Ростовцева, уже готовившего

⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16081. Л. 1.

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2372. Л. 25–26.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 26.

рецензию, публикация которой без ответа со стороны Grimma могла отрицательно сказаться на его научной репутации, что было крайне нежелательно ввиду предстоящей защиты.

4 марта 1902 г. Э. Д. Grimm написал письмо редактору Журнала Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП) Э. Л. Радлову⁶⁷, договариваясь с ним о возможности получения корректуры своего ответа на отзыв М. И. Ростовцева. Содержание письма Grimma свидетельствует о том, что ему все-таки удалось предварительно ознакомиться с рецензией Ростовцева. Подготовленный Grimмом ответ на отзыв Ростовцева указывает на то, что Grimm готов был принять вызов своего оппонента и опубликовать свой ответ одновременно с его рецензией, о чем и условился с Радловым. Из письма Grimma также следует, что свой ответ он предоставил в факультет, который должен был передать его комиссии из профессоров Ф. Ф. Соколова и Г. В. Форстена для заключения. Предполагалось, как писал Grimm, что с этим заключением комиссия выступит на факультетском заседании, на котором будет решаться вопрос о допуске Grimma к диспуту. На том же заседании Grimm готовился выступить со своим ответом. Как видно, инцидент с Ростовцевым создал Grimму дополнительный барьер, помимо обычных процедур при допуске к защите соискателя.

Заседание историко-филологического факультета, на котором утверждалась докторская диссертация Э. Д. Grimma, состоялось 16 марта 1902 г.⁶⁸. Судя по протоколу этого заседания, оно прошло не так гладко, как большинство подобных заседаний⁶⁹. После того, как профессор Ф. Ф. Соколов, приват-доценты И. И. Холодняк и М. И. Ростовцев зачитали свои отзывы, Э. Д. Grimm высказал замечания относительно этих отзывов, а затем профессор Ф. Ф. Соколов выступил с докладом по поводу его замечаний. Сохранившиеся отзывы Ф. Ф. Соколова⁷⁰ и И. И. Холодняка⁷¹ в целом благоприятно оценивали диссертацию Э. Д. Grimma. Отзыв М. И. Ростовцева в приложениях к протоколу не числится. Однако на характер его содержания недвусмысленно намекает опубликованная им позже рецензия. В ней Ростовцев резко критикует концептуальные положения Grimma, на которых, в сущности, и строилась работа последнего. Поэтому на фоне такого от-

⁶⁷ ИРЛИ СПб. Ф. 252. Оп. 2. Д. 435. Л. 1–1 об.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 4. Д. 16081. Л. 31.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Отзыв... 1903. С. 37–41.

⁷¹ Отзыв... 1903. С. 42–29.

зывает замечания Гримма, воссоздать которые, опять же, позволяет его напечатанный ответ Ростовцеву, были посвящены, в первую очередь, отстаиванию своей позиции. А выступление Ф. Ф. Соколова с докладом следует рассматривать, как стремление заступиться за Гримма, учитывая, что на предыдущем диспуте он одобрил его концепцию. В результате этих прений факультет все же допустил Э. Д. Гримма к диспуту.

19 марта 1902 г., т.е. через три дня после заседания факультета, М. И. Ростовцев написал письмо декану С. Ф. Платонову, в котором заявлял: «Очень прошу Вас, если Вы хотите, чтобы я был официальным оппонентом на диспуте Гримма, назначить меня последним [подчеркнуто автором. – О. Б.], т.е., во всяком случае, после И. И. Холодняка», а также писал: «сверх того, будучи очень признателен факультету за разрешение ознакомиться с возражениями г. Гримма, позволю себе отказаться от этого ввиду того, что мнение мое о книге слишком определено и обоснованно, чтобы его могли хотя бы модифицировать возражения докторанта»⁷². Вероятно, еще на заседании факультета М. И. Ростовцев посчитал, что его гиперкритичный отзыв послужит причиной отказа Э. Д. Гримму в допуске к защите. Возможно, не согласившись с решением факультета, Ростовцев и решил выступить на диспуте Гримма последним. Его рецензия, прочитанная после выступлений Ф. Ф. Соколова и И. И. Холодняка, преимущественно одобрявших труд Гримма, могла бы нивелировать их значение, поставить под сомнение ценность работы последнего и препятствовать получению им степени доктора. Примечательна та часть письма М. И. Ростовцева, где он выражает благодарность декану С. Ф. Платонову за разрешение ознакомиться с возражениями Э. Д. Гримма, но отказывается от этого ввиду непреклонности своего мнения. Возможно, С. Ф. Платонов предложил М. И. Ростовцеву принять во внимание возражения Э. Д. Гримма, опасаясь, что оппонирование, а вслед за тем и прения сторон, могли бы выйти за рамки принятого в научной среде академического тона выступлений.

Докторский диспут Э. Д. Гримма состоялся 31 марта 1902 г.⁷³. Пожелание М. И. Ростовцева выступать на диспуте последним было, очевидно, учтено, и, как сообщает газета «Новое время», его «возражения вызвали горячий более чем двухчасовой спор, который, однако, оставил противников при их первоначальных убеждениях»⁷⁴. Происходившее на диспуте Гримма вызвало живейший интерес у равнодушных коллег,

⁷² ОР РНБ. Ф. 585. Д. 4057. Л. 1.

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16081. Л. 60.

⁷⁴ Новое время. 1902. 1 (14) апреля. № 9366.

которые делились друг с другом своими впечатлениями об этом в переписке. В частности, М. Н. Крашенинников спрашивал В. К. Ернштедта, присутствовавшего на обсуждении диссертации Гримма в день защиты: «При случае, не поделитесь ли Вашими личными впечатлениями недавнего гриммовского диспута. Из сообщения С. А. Жебелева я узнал, что Мишель Ростовцев потерпел полное поражение от Э. Д. Гримма, и недоумеваю, каким образом это произошло, так как до сих пор думал, что Мишель несравненно солиднее в римской словесности, чем не только Гримм, но и ...учитель Мишеля, знаменитый Фаддей [Ф. Ф. Зелинский. – О. Б.]. Или в данном случае – “нъсть ученикъ болии учителя своего?”»⁷⁵. Таким образом, если корреспондент газеты констатировал, что спорившие остались каждый при своей точке зрения, то Крашенинников, со слов С. А. Жебелева, отметил «полное поражение» Ростовцева. Как видим, мнения по поводу итогов прений на диспуте, разделились. Но как бы то ни было, Гримм получил искомую степень, и против этого никто не стал возражать.

Полемика по поводу докторской диссертации Гримма продолжилась между ним и Ростовцевым на страницах ЖМНП. Как уже отмечалось, Гримм выступил с ответными возражениями на его рецензию, опубликованными вместе с ней в одном номере журнала. Суть расхождений во взглядах исследователей состояла в следующем. Ростовцев считал, что задачей Гримма было изучить историю развития римской императорской власти, а также «содействие и противодействие... цезаризма и оппозиции, чтобы иметь возможность судить о фактическом содержании власти»⁷⁶. Однако он полагал, что задуманное таким образом исследование, должно рассматриваться иначе, чем у Гримма. В таком случае он должен был «объединить результаты всех работ по администрации, военному устройству, городской жизни запада и востока, по вопросу о жизни и экономических условиях сельского населения и по финансовому строю римского государства», «переработать собранный материал и дать общую картину развития фактической власти императора», так как «только на основе этой истории фактического развития власти можно было бы построить ее конституционную историю, которой... не дают нам для целого ряда эпох ни официальные, ни официозные источники»⁷⁷. Гримм, в свою очередь, полагал, что Ростовцев «со-

---

⁷⁵ М. Н. Крашенинников – В. К. Ернштедту. 13 апреля 1902 г.: Скифский роман. С. 397. Прим. 10.

⁷⁶ Ростовцев. [Рецензия...]. С. 149.

⁷⁷ Там же. С. 150.

вершенно не понял задачи исследований», объясняя этим значительное число его упреков в свой адрес, а также то, что «он вследствие этого обходит молчанием почти все, что действительно составляет задачу... работы»⁷⁸. Grimm писал, что его цель «сводится к изучению того процесса, в силу которого императорская власть из чрезвычайной магистратуры эпохи Августа постепенно превращается в неограниченную власть», а «Г. Ростовцев требует от меня “картину развития фактической власти императоров”», т. е. «надо думать, историю ее влияния на всю внутреннюю жизнь империи»⁷⁹. Суров вердикт, который вынес Ростовцев Гримму в заключении рецензии: «...автор не собрал самостоятельно материала, а довольствуется пересказом данных некоторых писателей и небольшого числа современных научных работ. Надписи, поскольку они не исследованы в известных ему новейших сочинениях, исключены им из состава своего материала; не трогает он ни папирусов, ни монет. При таком отношении к делу поражает высокомерное и резкое отношение к некоторым из тех ученых трудов, с которыми автор знаком. Вопросы, подобно трактуемым автором, настолько сложны и обширны, настолько связаны со всей жизнью римского государства, что неминуемо требуют долгого и упорного собирания и переработки материала не только в области одного частного вопроса; они подготовляются рядом частных исследований и работ, словом, венчают научную жизнь исследователя, а не начинают ее»⁸⁰. Итог, подведенный Ростовцевым в рецензии на труд Гримма, свидетельствует о непризнании им научной компетентности последнего и ценности его работы. Поэтому вполне понятны причины, побудившие Гримма подвергнуть рецензию Ростовцева «самому тщательному рассмотрению», так как у непосвященного читателя она «должна вызвать представление о поразительной небрежности работы и полном верхоглядстве ее автора». Поскольку в свое время сам Grimm вынес подобный вердикт В. М. Грибовскому⁸¹, он, конечно, понимал, насколько серьезны должны быть претензии к автору, заслужившему такую строгую оценку. Считая резкую критику Ростовцева в свой адрес незаслуженной, Grimm воспринял ее как личное оскорбление. Таким образом, в возникшем споре ни Ростовцев, ни Grimm не желали уступать друг другу. И если Ростовцев поставил под сомнение профессиональные способности Гримма, то последний, по

⁷⁸ Grimm. Ответ... С. 172–173.

⁷⁹ Там же. С. 173, 174–175.

⁸⁰ Ростовцев. [Рецензия...]. С. 172.

⁸¹ Grimm. [Рецензия...]. 1897.

сути, сделал то же самое, отклонив его упреки и вернув их своему оппоненту. То обстоятельство, что Ростовцев и Гримм резко разошлись во взглядах на характер императорской власти, в общем, не должно вызывать особого удивления, учитывая, что этот вопрос оставался предметом споров на протяжении ряда десятилетий.

У каждого из участников полемики нашлись авторитетные сторонники. В. П. Бузескул назвал рецензию Ростовцева «строгой и обстоятельной»⁸². Высоко отозвался о ней Н. И. Кареев. В диалоге с археологом-античником Т. С. Варшер он заметил: «Знаете ли, за разбор книги Гримма я дал бы Ростовцеву степень доктора. – Этот разбор стоит докторской диссертации»⁸³. Гримма поддержал, как уже было сказано, Ф. Ф. Соколов, а также Ю. А. Кулаковский, отозвавшийся подробной рецензией на обе его книги. Рецензии Кулаковского предшествует пространный комментарий редактора, в котором он счел необходимым отметить, что «она была написана по вызову с его стороны и доставлена им [Кулаковским. – О. Б.] еще в марте месяце. Первоначально предполагалось поместить ее в одной книжке со статьей г. Ростовцева, но осуществить это помешали причины внешнего характера»⁸⁴. Скорее всего, по замыслу редактора, Кулаковский должен был играть роль своеобразного третейского судьи между вступившими в научный спор Гриммом и Ростовцевым. Указав на ряд частных недостатков обеих монографий Гримма, он, в целом, благоприятно отозвался о его научных трудах⁸⁵.

После того, как Гримм защитил свои «Исследования», некоторые ученые, как и сам он⁸⁶, выражали надежду на то, что у него появятся еще публикации по античной проблематике. Кулаковский подчеркивал, что Гримм «не боится широких тем, требующих многочисленных исследований», и предположил, что от него «с полной уверенностью можно ожидать новых и новых крупных работ в этой области»⁸⁷. Завершая отзыв о второй книге Гримма, Ф. Ф. Соколов писал так: «с [ней]... жалко расставаться: хотелось бы послушать его [Гримма. – О. Б.] рассказ о

⁸² Бузескул. 1931. С. 212.

⁸³ См.: Варшер. Последние годы Кареева... 1931. С. 2.

⁸⁴ Кулаковский. [Рецензия...]. С. 154. Отметим, что редактор Э. Л. Радлов мог обратиться с просьбой к Ю. А. Кулаковскому написать рецензию, так как находился с ним в товарищеских отношениях. В одном из своих писем В. П. Бузескулу Кулаковский называет Радлова своим «старшим товарищем». См.: ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 114. Л. 13 об.

⁸⁵ Кулаковский. [Рецензия...]. С. 156–157.

⁸⁶ См.: Гримм. Исследования... Т. II. С. 197, 462.

⁸⁷ Кулаковский. [Рецензия...]. С. 155.

следующих императорах...»⁸⁸. Однако Гримм оставил свои штудии по Античности, хотя и продолжал преподавать историю Древнего Рима как предмет. Гримм не был узким специалистом по истории Древнего мира, его научные интересы были гораздо шире и разнообразнее. По воспоминаниям А. И. Хоментовской, одной из учениц Гримма, «в области науки он занимался и древней, и новой историей, главным образом историей Франции»⁸⁹. Позднейшие работы Гримма были посвящены проблемам Новой истории Западной Европы⁹⁰. В одной из сохранившихся анкет советского периода в графе «научная область, в которой работаете», под рубрикой «общая» Гримм отметил всеобщую историю, а под рубрикой «специальная» – историю Древнего Рима, Западной Европы и международных отношений⁹¹. Несомненной заслугой Гримма, как признавали некоторые его современники, так и позднейшие исследователи, было и остается то, что он первым среди российских ученых предпринял масштабное изучение развития римской императорской власти⁹².

В сентябре 1902 г. декан историко-филологического факультета С. Ф. Платонов ходатайствовал перед ректором А. Х. Гольмстеном за И. М. Гревса и Э. Д. Гримма: о назначении первого – исправляющим должность экстраординарного профессора, второго – экстраординарным профессором. При этом, как говорилось в письме, Платонов предлагал ректору изменить устоявшуюся практику, так как «факультет не считает нужным прибегать к конкурсу... потому что у него и помимо конкурса... достойные кандидаты, но еще и по той причине, что нельзя надеяться на успехи конкурса, если он будет объявлен. Хорошие специалисты по всеобщей истории в России все на перече́т, все состоят на кафедрах, даже и не имея степени доктора, и прочно привязаны к своим университетам»⁹³. С 1 января 1903 г. Э. Д. Гримм вступил в должность экстраординарного профессора⁹⁴.

* * *

На примере Э. Д. Гримма хорошо видно, что конфликтные ситуации в академическом сообществе возникали даже тогда, когда соперни-

⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 77.

⁸⁹ Хоментовская. 1995. С. 231.

⁹⁰ Гримм. *Мирабо...* 1908; *Он же. Революция...* 1908.; *Он же. Политические воззрения...* 1908.

⁹¹ ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 192. Л. 15, 16.

⁹² См.: Фролов. 1999.; Летяев. 2002.

⁹³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750. Л. 5–9.

⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 85, 269.

чества за вакансию как такового между учеными не велось. Как оказалось, на отношения между учеными большое влияние оказывало то, в каких условиях тот или иной ученый, в данном случае Э. Д. Grimm, занимал вакантное место. Так сложилось, что оба раза назначению Grimma на должность предшествовали довольно мрачные обстоятельства – смерть ученых, а также увольнение его коллег по университету. В восприятии коллег Grimma, он дважды воспользовался этими случаями, чтобы наладить собственную карьеру, и это осложняло его взаимоотношения с товарищами.

Изучение начального этапа научной карьеры Э. Д. Grimma показывает, что соблюдение привычных и ставших традиционными для академического сообщества процедур на пути получения соискателем ученой степени могло сопровождаться как следованием традициям, так и отходом от них. С одной стороны, Grimm, как и многие его коллеги, был в заграничных командировках, слушал лекции в ведущих европейских университетах, собирал источники для собственного исследования. С другой стороны, выбор темы диссертации был им осуществлен не в соответствии с первоначальной специализацией, а в результате осмысления изучавшихся им ранее периодов истории; его докторская диссертация была не новым исследованием, а продолжением предыдущего; между магистерским и докторским диспутами Grimma прошло менее двух лет, что на общем фоне проходивших защит того времени выглядело нетипично. Обход традиций помог Grimmu сэкономить время написания диссертации, и это, в конечном счете, позволило сократить период между получением магистерской и докторской степени, что, в свою очередь, открывало возможности для дальнейшего карьерного роста. Однако некоторые коллеги Grimma сочли, что его спешка в написании докторской диссертации повлияла на ее качество, другие, напротив, восхищались его работоспособностью.

Столкновение научных интересов Э. Д. Grimma и М. И. Ростовцева привело к конфликту между ними, который начался с критической рецензии последнего на работу Grimma. На примере этого инцидента хорошо видно, что рецензирование являлось важным средством взаимного контроля членов академического сообщества. Ростовцев через практику обличения, оформленную как научная рецензия, стремился воспрепятствовать незаслуженному, по его мнению, продвижению коллеги. Конфликт разворачивался в двух плоскостях: с одной стороны, на историко-филологическом факультете, где решался вопрос о допущении Grimma к диспуту, а затем и на самом диспуте; с другой стороны, на страницах ЖМНП, в майском номере которого были размещены рецензия Ростов-

цева и ответ на нее Гримма. До диспута противоречия между учеными пытались сгладить коллеги по историко-филологическому факультету. Публикацию отзыва Ю. А. Кулаковского на обе монографии Гримма в июльском номере ЖМНП также можно рассматривать как способ разрешить конфликт между Гриммом и Ростовцевым, так как в данном случае Кулаковский выступил в качестве своеобразного третейского судьи. То, что Гримму в итоге присудили искомую степень, не положило конец его конфликту с Ростовцевым. Каждый ученый остался при своем мнении, а в дальнейшем их отношения еще более осложнились из-за политических противоречий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х тт. М.: Наука, 2003. Т. 1. 388 с.
- Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX–XX вв. Л.: Изд.-во Акад. наук СССР, 1931.
- Варшер Т. С.* Последние годы Кареева при большевиках [некролог] // Сегодня. Рига. 1931. 15 марта. № 74.
- Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1900. Ч. LVI.
- Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1902. Ч. LXVI.
- Гримм Э. Д.* Гракхи. Их жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк Э. Д. Гримма. СПб.: тип. товарищества «Общественная польза», 1894. 96 с.
- Гримм Э. Д.* Исследования по истории римской императорской власти. Римская императорская власть от Августа до Нерона. СПб., 1900. Т. I. 515 с.
- Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб., 1901. Т. II. 466 с.
- Гримм Э. Д.* Мирабо: Очерк из истории Великой Французской революции. М.: «Польза» В. Антик и К°, 1908. 110 с.
- Гримм Э. Д.* Ответ г. Ростовцеву // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1902. Май. Отд. II. С. 172–209.
- Гримм Э. Д.* Отчет о командировке [за границу] / Соч. Э. Гримма. Казань, 1898. 16 с.
- Гримм Э. Д.* Период византийско-исламской культуры (вступительная лекция к общему курсу истории средних веков) // Ученые записки императорского Казанского университета. Казань: типо-литография университета. 1896. Декабрь. С. 129–152.

- Гримм Э. Д.* Политические воззрения Ипполита Тэна. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1908. 71 с.
- Гримм Э. Д.* Революция 1848 г. во Франции. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908. Ч. 1–2.
- Гримм Э. Д.* [Рецензия] *Грибовский В. М.* Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1897. 23 с.
- Диспут Э. Д. Гримма // Исторический вестник. Т. LXXXI. 1900. Июль.
- Жебелев С. А.* Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. 3. С. 146–194.
- Жебелев С. А.* Федор Федорович Соколов [Некролог]. СПб., 1909.
- Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1900. № 55.
- Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1901 г. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1902. № 57.
- Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1903 г. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1904. № 59.
- Загоскин Н. П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Казань, 1904. Ч. 1. С. 75–76.
- Институт Русской литературы Российской Академии наук (ИРЛИ РАН) Ф. 252 (фонд Э. Л. Радлова). Оп. 2. Д. 435 (Э. Д. Гримм – Э. Л. Радлову. 4 марта 1902 г.). Историческое обозрение. 1915. Т. 20.
- Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
- Кулаковский Ю. А.* [Рецензия] *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I, II. // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1902. Июль. С. 154–171.
- Летяев В. А.* Восприятие римского наследия Российской наукой XIX – начала XX в. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002. 212 с.
- Новое время. 1902. 1 (14) апреля. № 9366.
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ): Ф. 27 (фонд Н. П. Анциферова). Д. 272. (Э. Д. Гримм – С. Ф. Платонову. 4 сентября 1899 г.); Ф. 585 (фонд С. Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 4467. (Н. Н. Фирсов – С. Ф. Платонову. 28 января 1901 г.); Д. 1750 (С. Ф. Платонов – А. Х. Гольмстену. Сентябрь 1902 г.); Д. 2372. (Ф. А. Браун – С. Ф. Платонову. 10 февраля 1902 г.); Д. 4057 (М. И. Ростовцев – С. Ф. Платонову. 19 марта 1902 г.); Ф. 608 (фонд И. В. Помяловского). Оп. 1. Д. 727 (Э. Д. Гримм – И. В. Помяловскому. 9 сентября 1894 г.).
- Отзыв о диссертации Э. Д. Гримма на степень доктора Ф. Соколова // Журналы заседаний Императорского С.-Петербургского университета за 1902 г. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1903. № 58. С. 37–41.
- Отзыв приват-доцента И. И. Холодняка о диссертации Э. Д. Гримма // Журналы заседаний Императорского С.-Петербургского университета за 1902 г. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1903. № 58. С. 42–29.

- Петербургский филиал архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Ф. 102 (фонд И. А. Бодуэн-де-Куртэне). Оп. 2. Д. 147 (Д. А. Корсаков – И. А. Бодуэн-де-Куртэне. 31. III (12. IV) 1899 г.); Ф. 155 (Комиссия «Наука и научные работники СССР»). Оп. 2. Д. 192; Ф. 726 (фонд И. М. Гревса). Оп. 2. Д. 80 (Э. Д. Гримм – И. М. Гревсу. 14 мая 1897 г.); Ф. 825 (фонд Н. И. Кареева). Оп. 1. Д. 91 (Н. И. Кареев – В. П. Бузескулу. 26 сентября 1899 г.); Ф. 825. Оп. 2. Д. 114 (Ю. А. Кулаковский – В. П. Бузескулу. 16 апреля 1904 г.)
- Ростовцев М. И.* [Рецензия] Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. II. // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1902. Май. Отд. II. С. 149–172.
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 1850–1864. СПб., 1867. С. 641. § 21, 22.
- Свешников А. В., Корзун В. П., Мамонтова М. А.* «Наши жизни... протекли... врозь» (к истории взаимоотношений И. М. Гревса и С. Ф. Платонова) // Диалог со временем. 2004. 12. С. 320–324.
- Скифский роман. [Сборник: О жизни и творчестве М. И. Ростовцева] / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории РАН и др.; Под общ. ред. [и с предисл.] Г. М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. 623 с.
- Ученые записки императорского Казанского университета. Казань: типо-литография университета. 1899. Сентябрь.
- Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: историографические очерки. СПб. Изд-во СПбГУ, 1999.
- Фролов Э. Д.* Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва – Иерусалим. 2000.
- Фролов Э. Д.* Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва – Иерусалим. 2000.
- Хамматов Ш. С.* Изучение и преподавание медиевистики в учебных заведениях Казани: XIX – начало XX вв.: Дисс ...канд. ист. наук. Казань, 2003.
- Хоментовская А. И.* Пройденный путь // Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика / Отв. ред.: д. иск. А. Н. Немилов, д. филос. н. А. К. Горфункель. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 271 с.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14 (фонд Петербургского университета). Оп. 1. Д. 9226 (личное дело профессора Э. Д. Гримма); Оп. 3. Т. 4. Д. 16046 (протоколы заседания историко-филологического факультета за 1893 г.); Д. 16049 (то же за 1894 г.); Д. 16069 (то же за 1899 г.); Д. 16072 (то же за 1900 г.); Д. 16076 (то же за 1901 г.); Д. 16081 (то же за 1902 г.).
- Ягудин Б. М.* Николай Алексеевич Осокин (1843–1895): [Очерк]. Казань: Изд-во КГУ, 2003. 29 с.
- Mommsen Th.* Romische Staatsrecht. Leipzig, 1887. Bd. II.
- Беляева Оксана Михайловна**, магистр Европейского университета в Санкт-Петербурге, соискатель Европейского университета в Санкт-Петербурге; obeljaeva@eu.spb.ru.